

Отзыв

о выпускной квалификационной работе магистра филологии

Тимашевой Татьяны Сергеевны

“Оппозиция «свое-чужое» в русских паремиях: лингвокультурологический аспект”

Анализируемая работа находится на стыке ряда актуальных ныне филологических дисциплин и входит в парадигму современных лингвокультурологических, сопоставительных, лексикографических и методических исследований.

Сочинение Т.С. Тимашевой посвящено изучению паремийных единиц двух языков – весьма удаленных друг от друга и не имеющих очевидных точек соприкосновения, как это обнаруживалось бы в родственных языках. Тем не менее автор четко осознает перспективы подобного направления научного поиска, формулирует стоящие перед ней главные и второстепенные задачи и вполне успешно их решает. Трудно не согласиться с автором в том, что избранная ею для изучения оппозиция «свой – чужой» является сквозной, поскольку охватывает различные сферы менталитета народа – морально-этические нормы и утилитарно-практические ценности, – и потому очень важной.

Новизна работы обеспечивается выбором языков – русского и японского, пословицы которых сопоставляются в рамках заявленной оппозиции, и выявлением общего и различного в японской и русской языковой картине мира, в осмыслении русскими и японцами окружающей действительности.

Весьма похвальна попытка автора прояснить статус отдельных разрядов японских устойчивых выражений, провести различие между их типами и выявить признаки их принадлежности к сфере фразеологии.

Перечень и порядок следования задач, вытекающие из постановки основной цели – выявить сходства и различия в паремиологическом фрагменте языковых картин мира двух языков для определения принципов лексикографического описания русских единиц в лингвокультурологическом словаре – представляются логичными и оправданными.

Работа логично скомпонована, четко прописаны – в том числе и графически выделены – все необходимые рабочие определения и собственные исходные позиции, приведенные на фоне рассмотренных магистрантом существующих в научной

литературе точек зрения. С точки зрения композиции работы разве что стоило бы выделить в отдельный раздел эксперимент и показ его результатов (с. 58-65).

Первая глава работы посвящена теоретическим проблемам, объясняющим и подготавливающим изложенные во второй главе собственные наблюдения автора. Вполне справедливо последовательное обращение автора к понятийному аппарату лингвокультурологии, к вопросу о статусе пословиц во фразеологии и о различиях между отдельными типами фразеологизмов, к проблеме сопоставительного изучения паремий. Здесь, однако, показалось излишним упоминание о такой задаче, как попытка доказать высказанное В.Н. Телия мнение о том, что за системой значений образно мотивированных слов и фразеологизмов «сокровенно присутствует культура». Это мнение, давно принятое в научном мире, не нуждается, как нам кажется, в доказательстве, тем более что с ним никто и не спорит.

Работа оказалась весьма многоаспектной. Во второй главе рассматриваются различия в установках культуры России и Японии, отразившиеся в паремиоставе двух языков, хотя результаты подобного наблюдения могут быть поставлены под сомнение на основании количественного несоответствия блоков рассматриваемых единиц двух языков: 168 русских и 49 японских. Интересно было бы услышать, с чем такой дисбаланс связан.

Весьма уместен вводный комментарий о природе группового сознания японцев, о традиционном отношении японцев к другим и разделении ими своих и тех, кто «принадлежит улице». Я, пожалуй, не согласилась бы с формулировкой, под которую подведены при делении на две группы (с. 45) такие черты, как приверженность традициям, склонность к *заимствованиям* (Словам иностранного происхождения? Или все-таки *заимствованию* – т.е. речь идет о склонности в целом перенимать, копировать, брать за образец), любовь к природе и т.д., поскольку и вторая группа «обыденной-житейские черты» - также включает общенациональные характеристики, но другого уровня.

Т.С. Тимашева проделала важную и непростую работу сначала по интеграции всех единиц, имеющих отношение к выражению оппозиции «свой – чужой», а затем – по их дифференциации по принципу выражения той или иной идеи, или культурной установки, или, выражаясь термином Е.В. Ивановой, с трудами которой автор знаком, в зависимости от логемы, содержащейся в паремии.

Благоприятное впечатление производит проведенный автором эксперимент, позволивший выявить корпус употребительных единиц, подлежащих далее (3 глава) лексикографической обработке для подачи в иностранной аудитории.

Более подробно, хотя и без особой аргументации (а ведь ранее были выделены 14 блоков), автором рассмотрены два разряда паремий – разделы П.3 и П.4. – именно здесь проводится сопоставление русского и японского материала с целью выявления имеющихся совпадений, выявляются частные установки, в рамках которых лучше видна степень близости отдельных русских и японских паремий, выявляется национальная специфика в тематическом оформлении паремийных образов.

Эта часть работы вызвала у меня некоторое непонимание и довольно много вопросов.

Самое важное, что не вполне понятно отношение друг к другу (т.е. субординация, иерархичность) выделяемых 14 разрядов паремий (с. 50-58), тематических рубрик (с. 62-65) и частных установок, которые, кстати, приводятся только в разделе П.3 (с. 67-69) и почему-то отсутствуют в П.4, хотя оснований для их выделения там несколько не меньше. Вопрос в меняющейся по ходу исследования терминологии или же речь идет о разного уровня ментальных, логических или иного плана построениях?

Отказываясь следовать за работой С.А. Шуваловой, выделившей единицы 7 разрядов единиц с семантикой «свое» и «чужое» в пословицах и поговорках, магистрант претендует на более дробное выделение установок культуры, но тогда следовало бы выделить в приведенных больших блоках единиц и большее количество различных логем. Например, в 1-й группе (с. 50-51) «уместность нахождения человека в своем пространстве...» (хотя и само слово *уместность* в данном случае мало проясняет суть данной установки) ряд паремий совершенно четко объединены разными идеями. Ср.: 1) «На своем привычном месте, дома, всякому хорошо; каждый чувствует себя уверенно»: *И кулик на своей кочке велик, И петух на своем пепелище силен* и др. 2) «Люди с близкими свойствами родственны, тяготеют друг к другу»: *Рыбак рыбака видит издалека* и др. 3) «Необходимость приспособливаться, попав в чужую среду»: *В чужой монастырь со своим уставом не суйся, С волками жить – по-волчьи выть*. 4) Паремии *Не суйся в волки с телячьим хвостом, Не мешаются жиды с самарянами...* - скорее рекомендуют держаться своих, не лезть

в чужие. Не вполне понятны и критерии включения в эту группу и японских паремий *о жителях Киото и жителях Осаки*.

Ряд единиц, включенных в группы, объединенные общими установками, в действительности искомой идеи не выражают: *Люблю молодца и в татарине* (с. 53) – доблесть, храбрость и проч. следует оценить и в чужеземце – не имеет отношения к группе «Свое лучше и ближе»; япон. *В чужом рисе всегда кость попадает* – не свое хорошо, а плохо чужое (с. 53); *Грозен враг за горами, а грозней за плечами* (с. 55) – вообще, как представляется, не связано с данной темой; *Хорошо с берега на гребцов смотреть* (с. 57) – здесь, как нам кажется, нет проявления идеи «стремления жить за чужой счет» и т.д.

Не всегда удачными представляются наименования культурных установок – например, (с.51) 3 гр. «Паремии, сообщающие о том, что в любом коллективе есть исключения» - исключения могут быть и позитивными, а между тем речь идет о паршивых овцах. В группе 7 (с. 56) «Паремии на тему построения своего счастья на несчастье других» (хотя, на наш взгляд, тема и культурная установка – все-таки не одно и то же), если исходить из этой формулировки, только одна единица подходит сюда безоговорочно: *Не строй свое счастье на несчастье других*. Единицы группы 14 (с. 58), названной «Паремии, выражающие стремление принять на себя чужую ответственность» - не являются паремиями, это фразеологизмы и уж, конечно, никакого стремления не выражают, тем более что речь идет о *чужих грехах, чужой вине, чужом кресте*.

Имеют ли отношение и если да, то как связаны с данной оппозицией паремии *Сели верхом и погоняют* (с. 60), *Одна пчела много меду не натаскает, Одной рукой угла не завяжешь?*

Справедливости ради, следует отметить, что пословицы, как единицы многотемные и многозначные, допускают различные трактовки, порой и весьма дискуссионные.

К сожалению, не очень показательными в силу диспропорции русского и японского материала (например, в рамках одной группы 23 и 5 единиц соответственно) оказываются таблицы, призванные продемонстрировать специфику образности в паремиях двух языков. Однако даже при этом автору удалось показать вы-

сокую концентрацию слов – наименований хозяйственно-бытовых реалий, наименований птиц, зоонимов, соматизмов, наименований лиц.

Представляется обоснованным и подкрепленным материалом вывод о довольно частотном отражении в поговорках отдельных сфер жизни – в частности, социальных, семейных, профессиональных отношений между людьми,

В третьей главе, начинающейся с истории практической лексикографии (а надо ли?), Т.С. Тимашева рассматривает основные типы учебных словарей и словарей пословиц и поговорок (отмечу, что словарь М.Ю. Котовой не является учебным) – с тем, чтобы вычленив для себя основания и выработать принципы построения учебного словаря и основные зоны словарной статьи.

Идея хороша, но здесь мне видятся некоторые следы поспешности. Так, например, непоследовательно даются синонимы: поговорка *Рыбак рыбака видит изда- лека* осталась без синонима, хотя в работе рассматривалось выражение о свояках, в то время как поговорка *Одного сукна епанча* получила избыточный ряд синонимов (в том числе *одним пальцем деланные, одним миром мазаны* и проч. – существенно различающиеся по критерию оценочности).

Противоречат общим методическим критериям понятности (доступности), некоторые из иллюстраций – в частности, пример из рассказа «Безотцовщина» Чехова с упоминанием *аркадского пастушка, кабаков*, фразеологизма *в глаза* и нестандартным синтаксисом. Сложен и пример из Буланцова об усмирении мятежа и сомнительных делишках.

Неужели же будет включено в учебный словарь для японцев выражение *Не мешаются жида с самарянами, а холопы с дворянами* – вероятно, для успешного толкования этой единицы понадобится гораздо более усилий, чем для ее замены любой другой, более употребительной (я ее вижу впервые) и запоминающейся?

В Заключении, к сожалению, автор допускает типичную ошибку – пересказ содержания работы (приводится понимание лингвокультурологии, повторяются определения), в то время как то, что было заявлено в качестве гипотезы и цели (с. 4-5) – выявить универсальные и различающиеся установки культуры, что позволило бы судить о чертах русского мировидения, нашедших отражение в русских поговорках, - прозвучало весьма слабо (с. 110).

Хотелось бы задать последний вопрос: *Каков используемый вами механизм выявления национально-культурной коннотации в паремии* (о нем вы упоминаете на стр. 31)?

Высказанные мною замечания, надеюсь, помогут автору в дальнейшей работе.

В целом анализируемое сочинение содержит все необходимые для исследования определения, отличается стройной композицией, значительной теоретической базой (список литературы включает почти 60 работ, включающих достаточное количество монографий, и 28 словарей), имеет несомненную ценность для работы в японской аудитории. Поставленные задачи в работе выполнены.

Выпускная квалификационная работа “Оппозиция «свое-чужое» в русских паремиях: лингвокультурологический аспект” отвечает необходимым требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, а ее автор Т.С. Тимашева заслуживает положительной оценки.

Докт. филол. наук, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов

Е.И. Селиверстова